

Глава 29. В расчёте

— Это... это что, стихи? — Цзян Чжоу на мгновение опешил.

«Снег утих, солнце взошло.

День чудесный. А мне нравятся парни».

Вроде стихи. Похоже на то.

Однако Чжоу Сяодун не оставил ему места для иллюзий:

— Разве бывают такие паршивые стихи? Я просто хотел донести последнюю строчку.

Он — гей. Цзян Чжоу в очередной раз почувствовал, что его мозг не справляется с нагрузкой.

Снизу, из кухни, донёсся гул вытяжки — Ли Шу вовсю готовил праздничный ужин. Цзян Чжоу бросил взгляд на лестницу и тихо спросил:

— Он знает?

Чжоу Сяодун качнул головой:

— Нет. Я хотел сначала сказать тебе.

Цзян Чжоу взъерошил волосы. Одно дело — слышать о таком или видеть со стороны, и совсем другое, когда это касается близкого человека. Подобное всегда бьёт наотмашь. Ему потребовалось время, чтобы прийти в себя и снова взглянуть на друга.

— И... когда ты это понял?

— Давно, — Сяодун достал сигарету и прикурил. — Наверное, уже и не вспомню. Просто никогда особо не заглядывался на девчонок. Когда вы обсуждали какую-нибудь красавицу, мне было всё равно. Меня всегда привлекал мой же пол.

Заметив, как Цзян Чжоу непроизвольно отшатнулся, Сяодун усмехнулся и выпустил дым:

— Не бойся, я не настолько изголодался, чтобы бросаться на тебя.

— Проваливай, — Цзян Чжоу запустил в него декоративной подушкой.

Сяодун поймал её и отложил в сторону.

— Если честно, в детстве ты мне нравился. Я и дружить-то с тобой начал, потому что ты был симпатичным. Но характер у тебя оказался такой несносный, что всё влечение быстро испарилось.

Цзян Чжоу не успел порадоваться своему скверному нраву, как в голове всплыло другое.

— Тот парень, с которым ты сейчас переписываешься... он тоже из наших?

— Угу, — Сяодун кивнул. — Только это не просто «интернет-роман». Мы учимся в одной школе.

— Кто?! — вырвалось у Цзян Чжоу.

Сяодун медленно выдохнул облако дыма:

— Сюй Ийян.

— Этот придурок из Первой средней школы? — Цзян Чжоу округлил глаза. — Вы же вечно цапались! Даже подрались один раз.

— Вот именно. Странно, да?

«Странно» — мягко сказано. Жижи всегда был самым адекватным и надёжным из их троицы. Чтобы он сам полез в бутылку — случай беспрецедентный. Тогда Цзян Чжоу просто наблюдал за этим как за забавным зрелищем, совершенно забыв поговорку: «В тихом омуте черти водятся».

— Твою мать, — пробормотал Цзян Чжоу, поражённый его выбором. — И что ты в нём нашёл? От него же за версту несёт подростковым пафосом.

— Не знаю. С ним просто... спокойно. Можно ничего не делать, и всё равно хорошо.

Глядя на его глупую улыбку, Цзян Чжоу нахмурился.

— Ты сейчас типа... счастлив, да? Тогда почему ты решил, что твой рассказ меня утешит?

— Да просто повод искал. Если бы не выговорился, точно бы лопнул. И ещё... — Сяодун

потушил сигарету. — Ты же знаешь мою семью. Путь, который я выбрал... он ведь куда паршивее твоего, не находишь?

Чжоу Сяодун всегда был послушным сыном и ответственным старшим братом. Цзян Чжоу не знал, как его родители относятся к подобным вещам, но сомневался, что хоть кто-то примет такое с распростёртыми объятиями. Зная характер друга, можно было предположить: родителям он не признается никогда.

— И что ты будешь делать дальше? — невольно заволновался Цзян Чжоу.

Лицо Сяодуна помрачнело.

— Никакого «дальше» нет. Я боюсь об этом думать... Потому что стоит начать, и кажется, что всё нынешнее счастье — это бомба с часовым механизмом. Впереди у такого, как я, только тупик.

Счастливы лишь те, кто пребывает в неведении. Ли Шу, приготовив ужин, шумно созвал всех к столу, а на середине трапезы убежал встречать свою девушку. Цзян Чжоу сидел с таким видом, будто на него обрушились все беды мира, но Ли Ханьхань, в силу своей непробиваемости, ничего не заметил.

Вечером, едва Цзян Чжоу переступил порог дома, Линь Энь затащила его на кухню.

— Тот друг, что сегодня приходил к Сиси... ты знаешь, что у него в семье творится? — зашептала она.

Ли Чжимин. Цзян Чжоу очень хотелось сказать «нет», но, к сожалению, когда он вступался за Цзян Си и избивал того придурка, подробности всплыли сами собой. Его отец тоже...

«Да что ж за день-то такой?» — вздохнул Цзян Чжоу.

По лицу матери было ясно: она уже в курсе. Впрочем, это и не было тайной — дурные вести разносятся быстро, а воображение соседей дорисовывает остальное.

— Кое-что слышал, — нехотя ответил Цзян Чжоу.

— Вот как, — Линь Энь покосилась на второй этаж. — Сиси действительно с ним так близок? Может, поговоришь с ним? Скажи, чтобы держался от этого мальчика подальше.

— Ой, мам, ну при чём тут сын? — Цзян Чжоу недовольно посмотрел на неё.

— Я понимаю, но мало ли... вдруг на Сиси это плохо повлияет...

Цзян Чжоу нахмурился:

— Мам, ты чего? Ты же у нас женщина с высшим образованием. Откуда такие предрассудки? Что, гомосексуальность — это какая-то заразная зараза?

— Дело не в предрассудках! Мне плевать, как живут другие, я никого не осуждаю. Но только не в моей семье, — Линь Энь выглядела по-настоящему встревоженной. — Наш Сиси... он хоть и умный, но в людях совсем не разбирается. Глупенький совсем, его же как телёнка на веревочке повести можно. Ты — старший брат, приглядывай за ним. Не дай ему втянуться во всю эту грязь, понял?

Цзян Чжоу знал, что мама искренне любит Сиси и уже давно считает его своим, но слышать такое было неприятно.

— Всё равно это предрассудки, — буркнул он, пожимая плечами.

Линь Энь отвесила ему воспитательный подзатыльник:

— Вот за вас троих и переживаю! Других у меня нет. Так что не умничай тут!

Цзян Си очень хотел поговорить с братом. История Ли Чжимина не давала ему покоя, но он не мог понять, что именно его гложет. Он давно знал о ситуации в семье одноклассника, но тогда у него самого земля уходила из-под ног, и было не до чужих бед. Теперь же, когда появилось время подумать, мысли путались.

Однако брат в последние дни ходил сам не свой — видимо, никак не мог оправиться после разрыва с девушкой. Он даже начал припоминать старые обиды: ворчал, что Сиси съел все его запасы вяленой говядины и конфет, и требовал возмещения ущерба.

У Цзян Си карманы были полны карманных денег, поэтому он не стал спорить с «ворчливым стариком». Одевшись, он отправился в магазин за провизией.

Цзян Чжоу, перегнувшись через перила второго этажа, бесстыдно крикнул вслед:

— Эй, курьер! Прихвати ещё пару упаковок лапши!

Закупив всё необходимое, Цзян Си заметил на полке кошачьи лакомства. В голове тут же созрел план по спасению брата от меланхолии — надо навестить Фею!

Прихватив баночку консервов, которые обожала кошка, он подошёл к дому Ли Шу. Дверь была приоткрыта. В прихожей стояло много обуви — видимо, у Ли Шу гости.

«Бедный брат, — подумал Сиси. — Брошенный, несчастный... Даже друзья его с собой не позвали».

— Кто милее: кошка или я? — донёсся голос из-за дивана, скрытого книжным стеллажом.

Цзян Си не нашёл свои привычные тапочки и в одних носках решил пробраться поближе. Ему стало любопытно: кто это такой наглый, что соревнуется в очаровании с самой Феей?

— Ты милее.

Едва Сиси разглядел лица, как услышал этот не слишком искренний ответ.

На диване сидели Чжоу Сяодун и парень в чёрном свитере. Они сидели так плотно, что между ними и листка бумаги не просунуть. Кошка пристроилась наполовину у Сяодуна на руках, наполовину на коленях незнакомца. Тот ласково погладил Фею, а затем вдруг потянул Сяодуна за мочку уха.

Цзян Си всё ещё не понимал, что происходит. Он уже собирался выйти и поздороваться, как парень взял Сяодуна за подбородок и, наклонив голову, поцеловал его.

Они целовались так самозабвенно, что даже не заметили, как кошка спрыгнула на пол.

Потрясённый Цзян Си не хотел мешать, но едва он сделал шаг назад, как дверь на втором этаже распахнулась. Оттуда хлынула громкая музыка и радостный крик Ли Шу:

— Сиси! Ты когда пришёл? Поднимайся к нам, погнали играть!

Пара на диване испуганно отпрянула друг от друга. Сяодун вскочил первым, выглядя донельзя смущённым и потерянным.

Видя его состояние, Цзян Си и сам расстроился. «И зачем я так тихо хожу? — подумал он. — Будто специально подглядывал».

— Я тут... Фее вкусняшек купил, — пробормотал он, делая вид, что всё в порядке, и достал баночки.

Ли Шу, посмеиваясь, поблагодарил его и снова позвал наверх, но Цзян Си, отчаянно махая руками, отказался и буквально сбежал из дома.

Вечером Цзян Си лежал в постели с книгой, но за полчаса не продвинулся ни на строчку. Раздался грохот — это кто-то ввалился в его комнату. Сиси тут же отшвырнул книгу и накрылся одеялом с головой.

Гадать не приходилось. Вскоре у кровати возникла фигура, и сверху раздался голос:

— Цзян Сиси, ты что, сегодня испугался?

— Нет, — глухо донеслось из-под одеяла.

— Этот придурок Чжоу Сяодун только что позвонил и извинился. Я его уже отчитал. — Сказав это, Цзян Чжоу почувствовал, как гнев снова закипает. Неужели эти двое не могли найти место поукромнее?

Цзян Си осторожно высунул нос:

— Брат, а за что ты его ругал?

— Я... — Цзян Чжоу запнулся. По сути, Сяодун ничего плохого не сделал, но сама мысль о том, что Сиси это увидел, бесила неимоверно. Объяснить это было невозможно, поэтому он просто забрался к младшему под одеяло. — Замерз как собака. Подвинься.

Цзян Си послушно освободил место и заботливо укрыл брата. Некоторое время они лежали молча, пока Сиси не решился заговорить:

— Я видел, как они целовались. Сначала испугался, а теперь... не совсем понимаю.

Цзян Чжоу помолчал.

— Не понимаешь, почему два парня целуются?

Сиси прикусил губу.

— Ли Чжимин говорит, что гомосексуальность — это мерзко.

— И ты думаешь, он прав? — В голосе Цзян Чжоу промелькнула тень напряжения.

— Думаю, что нет. Но Ли Чжимина очень жалко, — Сиси посмотрел на брата. — Ты ведь знаешь про его отца?

— Знаю. Тот человек действительно совершил ошибку, — рассудительно ответил Цзян Чжоу. — Но виноват он в своей эгоистичности и безответственности, а не в том, что он гей. Это моё мнение.

Спустя минуту Сиси тихо проговорил:

— Наверное, ты прав. Ли Чжимин слишком категоричен, но я не знал, как ему возразить.

— В его положении трудно не быть категоричным. Сиси, в следующий раз просто выслушай его, но не спорь, — Цзян Чжоу погладил его по голове.

Сиси послушно кивнул и снова перевёл тему на Чжоу Сяодуна.

Цзян Чжоу вздохнул:

— Для меня это тоже в новинку. Когда Жижин мне признался, я хотел заклеить ему рот скотчем, лишь бы не слышать этого. Хотелось притвориться, что ничего не было. Но потом я подумал... ему ведь было очень тяжело. Столько лет скрываться, а первым другом, которому он открылся, стал я. Значит, доверяет. И я не могу просто отвернуться.

— А Сяодуну очень нравится тот парень? Значит, у него теперь есть парень, а не девушка, да? — спросил Сиси.

— Ага, парень, — Цзян Чжоу улыбнулся и легонько ущипнул его за щеку. — Есть ещё вопросы? Давай, выкладывай всё сразу, постараюсь ответить.

— Вроде всё, — Сиси почувствовал, как на душе стало легче. Его брат был невероятным — пара слов, и любая неразрешимая задача решена. Оставалось только одно уточнение: — Значит, мальчикам можно любить мальчиков, так?

— Ну... — Цзян Чжоу вспомнил всё, что вычитал в интернете за последние дни. — Чувства не зависят от пола. Это нормально.

Цзян Си окончательно успокоился:

— Значит, и я в будущем смогу полюбить мальчи...

— Воу, воу! Притормози! — Перед глазами Цзян Чжоу тут же всплыло обречённое лицо Сяодуна и предупреждение матери. — Малыш, давай мы всё-таки сначала на красивых девочек посмотрим, ладно? Это, скажем так, приоритетный вариант.

— О, хорошо.

Такая покладистость была вызвана тем, что Сиси впервые услышал это нежное — «малыш». Хе-хе, если его называют «малыш», то он на всё согласен.

Желая подлизаться, он выдал:

— Тогда я в будущем женюсь на красавице, и у нас родится ребёнок, похожий на тебя.

—...Ты что, в папаши мне метишь?! Ишь, чего удумал! — Цзян Чжоу в шутку шлёпнул его. — Спать!

Ночник продолжал гореть, но Сиси никак не мог уснуть. Перед глазами то и дело всплывала та сцена в доме Ли Шу: наклон головы, поцелуй...

Из-за того, что он видел это лишь мельком, воображение рисовало куда более яркие картины.

Целоваться... Неужели это так приятно? Там же слюни. Не противно?

Сиси повернулся на бок и принялся разглядывать лицо спящего брата. Протянул руку и осторожно коснулся лба, бровей, глаз, носа... и, наконец, добрался до главного «объекта исследований».

Губы. Ярко-алые, мягкие, ни слишком тонкие, ни слишком полные — идеальной формы. Когда брат злился, он их поджимал, а когда радовался — они расплывались в чудесной улыбке.

Сиси замороженно смотрел на эти губы. Если у Сяодуна что-то похожее, то желание поцеловаться вполне объяснимо.

Маленький, но смелый исследователь не ограничился одним касанием и принялся обводить контур губ пальцем. Внезапно рот открылся, и палец оказался в плену.

Цзян Чжоу лениво приоткрыл глаза:

— Ну и долго ты ещё будешь меня лапать?

Он не укусил больно, поэтому Сиси совсем не испугался. Придвинувшись ближе, он прошептал:

— Брат, а тебя кто-нибудь целовал?

Дыхание Сиси коснулось его лица, и Цзян Чжоу почувствовал странный трепет. Решив быть откровенным, он ответил:

— Было дело. На меня совершили внезапное нападение.

«Нападение — значит, поцеловали тайком», — догадался Сиси, но не понял, что речь о нём самом.

— Тебя? И ты позволил? Где?

Цзян Чжоу указал на свою левую щеку:

— Кое-кто сказал, что моя родинка очень красивая. Постоянно её трогал, а потом, видимо, совсем рассудок потерял и решил её украсть.

Лицо Цзян Си тут же залилось краской.

— Я... я же не специально...

— А, значит, кто-то толкнул тебя в спину, и ты случайно в меня врезался? — протянул Цзян Чжоу. — Вот только я помню, что в комнате, кроме нас, никого не было.

Раз уж попался — отпираться было глупо, но Сиси заволновался:

— Брат, ты... ты злишься?

Цзян Чжоу решил подыграть:

— Конечно, злюсь! Кому понравится, когда его целуют тайком? Да ещё и какой-то сопливый малец. Чему тут радоваться?

В этом коротком предложении он трижды упомянул «радость», но наивный Сиси легко попался на удочку.

«Значит, я ему противен, — подумал он. — Будь на моём месте какая-нибудь писаная

красавица, он бы небось светился от счастья. Бедный брат, столько времени притворялся, что ничего не заметил, не хотел меня обидеть. А я, дурак, сам всё выболтал».

Сердце Цзян Си упало. Он медленно отвернулся:

— Прости. Я правда не хотел...

Вдруг щеки коснулось что-то мягкое. Раздался громкий «чмок» — те самые идеальные губы запечатлели поцелуй на его левой щеке.

— Я человек мелочный, — невозмутимо пояснил Цзян Чжоу. — Никогда не позволяю собой пользоваться бесплатно. Если у меня что-то отняли, я заберу это обратно. Только тогда на душе становится спокойно.

Спокойно? Да Сиси был на седьмом небе от счастья!

Боясь, что след от поцелуя исчезнет, он не смел даже коснуться щеки. В груди всё ликовало. От избытка чувств он дважды брыкнул ногами, сбросил одеяло, перекатился и прижался к брату. Не успел Цзян Чжоу его обнять, как Сиси, словно волчок, скатился с кровати.

Глухой удар об пол. Цзян Чжоу тут же подскочил:

— Да что ж ты так крутишься! Цел?

Цзян Си, не чувствуя боли, поднялся и сел на полу, подперев голову руками. Лицо его озаряла совершенно блаженная улыбка:

— Брат, ты меня сейчас поцеловал.

— Ну да. Подумаешь, событие, — фыркнул Цзян Чжоу.

— Ты меня поцеловал — значит, я тебе не противен. Значит, я тебе нравлюсь, да?

— Много на себя берешь. Я же сказал: я просто вернул должок. Один — один.

«Больше, чем один раз», — подумал Сиси, но решил не спорить. Пусть в следующий раз брат снова «возвращает долги».

— Давай, залезай обратно, — Цзян Чжоу решил не ворчать на маленького глупыша. — Один поцелуй — и уже на полу валяется. Тоже мне, герой.

Он и думать забыл о своих недавних терзаниях.

А Сиси вдруг прислушался к урчанию в своём животе:

— Я проголодался. Не усну.

Цзян Чжоу, покорившись судьбе, повёл его вниз на поиски еды. К их удивлению, Линь Энь как раз выходила из комнаты Цзян Куэй.

— Вы чего не спите? — удивилась она.

— Проголодались, — ответил Цзян Чжоу. — А ты чего?

— Сяо Куэй жаловалась на живот, еле укачала, — Линь Энь потерла переносицу. — В холодильнике есть пельмени, пойду сварю вам.

Цзян Чжоу замахал руками:

— Иди отдыхай, мы сами справимся.

Цзян Си, всё ещё сияя от восторга, закивал:

— Да, тётя Линь, брат сегодня сам меня поце...

Цзян Чжоу мгновенно зажал ему рот ладонью.

Линь Энь, ваясь с ног от усталости, не заметила ничего странного, кивнула и ушла к себе.

Едва она скрылась, Цзян Чжоу отпустил Сиси и принялся отчитывать:

— Глупый малый! Ты понимаешь, что несёшь?

Сиси растерянно моргнул:

— А что такого? Я хотел сказать: «брат сегодня сам меня покормит».

Ох. Оказывается, это он сам был на взводе.

Цзян Си хихикнул:

— Брат, ты подумал, я скажу, что ты меня поцеловал? Я же не настолько глупый.

Цзян Чжоу кивнул:

— В общем, это я вернул тебе твой «должок». И давай обойдемся без свидетелей, а то ещё поймут неправильно.

— Неправильно — это как? — Логика Цзян Си работала иначе. — Я не хочу рассказывать другим, только чтобы они не завидовали.

Цзян Чжоу иронично взглянул на него:

— О как. И чему же тут завидовать?

Счастье Сиси вышло на новый уровень:

— Раз ты меня поцеловал, значит, я твой самый любимый, а ты — мой. Это наш с тобой секрет. Пускай только небо знает, земля знает, ты и я. Больше никому говорить не надо!

Эти слова прозвучали наивно, почти по-детски, но в сердце Цзян Чжоу что-то дрогнуло. Он так и не нашёл, что ответить.

<http://bllate.org/book/17532/1705777>